

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

На правах рукописи

ГАЛЯУТДИНОВА РЕГИНА МАДЕХАТОВНА

**Субстантивные фразеологические единицы метафорического характера
в английском и русском языках.**

10.02.20 - сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу семантической, структурно-грамматической и контекстуально–трансформационной организации субстантивных фразеологических единиц метафорического характера в английском и русском языках.

Характерной чертой современного этапа развития языкознания является повышенный интерес учёных-лингвистов к проблемам метафорического смысла. Метафора рассматривается не просто как стилистический приём, а как важный механизм познания, актуализирующий концептуальную аналогию нового явления с уже сложившейся системой понятий внутри той или иной метафорической парадигмы.

Признавая роль физического опыта в формировании метафорических концептов, необходимо отметить, что «миссия» так называемой “cultural net”, в которую втянут каждый индивид, в этом процессе осталась незамеченной. Делая шаг навстречу интеграции культурного опыта и метафорических концептов, учёные-лингвисты обращаются к культурным аспектам процесса метафоризации и выявляют, что выбор определённых метафор имеет исторический, социальный и политический подтекст (Schöffner, 1993; Emanatian, 1995; Shore, 1996; Semino and Masci, 1996; Santa Ana, 1999; Mussolf, 2000; El Rafeie, 2001).

Огромное количество фразеологических единиц являются «продуктом метафорического смыслопроизводства» (Телия, 1988:29). Восприятие фразеологической единицы детерминировано метафорой, лежащей в её основе (Glucksberg et al., 1993; Gibbs and O’Brien, 1990; Nayak and Gibbs, 1990; Gibbs, 1997).

Подчёркивая изначальную метафоричность ФЕ (*“Idioms are typically metaphorical”*), словарь “Collins COBUILD Dictionary of Idioms” определяет её как санкционированную узусом форму словоупотребления, которая ведёт не к процессу обновления выразительных средств языка, а к использованию готового репертуара (*“They are effectively metaphors which have become ‘fixed’ or ‘fossilized’ ”*).

Метафора служит движущей силой в создании фразеологической единицы. Постигнув значение ФЕ, мы определяем метафорический стержень на котором она создавалась (Keysar, Vly, 1995,1999).

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа (сопоставительно-типологического) применительно к паре двух отдалённо родственных языков на фразеологическом уровне, что, возможно, будет способствовать более чёткому определению различий и сходств субстантивных ФЕ метафорического характера.

Объектом нашего исследования являются субстантивные фразеологические единицы (далее ФЕ) метафорического характера в английском и русском языках.

Цель работы: провести сопоставительный анализ группы субстантивных ФЕ метафорического характера в английском и русском языках и установить черты общего и специфического для данной группы ФЕ в сопоставляемых языках.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Отбор английских и русских субстантивных ФЕ метафорического характера из одноязычных и двуязычных толковых и фразеологических словарей.
2. Анализ имеющихся в лингвистической литературе точек зрения на метафорический перенос, выбор комплексного подхода к изучению метафоры.
3. На основе степени осязаемости метафорического переноса выделение и описание способов метафорического переноса в английских и русских субстантивных ФЕ.
4. Выделение и описание структурно-грамматических моделей английских и русских субстантивных ФЕ метафорического характера.
5. Установление типов узуальных и окказиональных трансформации английских и русских субстантивных ФЕ метафорического характера.

б. Установление качественной и количественной зависимости между типами окказиональных трансформаций и социологическими характеристиками на основе проведённого социолингвистического эксперимента.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые осуществляется детальный комплексный анализ английских и русских ФЕ метафорического характера. С помощью разнообразных методов исследования выявлены общие и специфические черты исследуемой группы. Впервые проведён сопоставительный анализ контекстуальных трансформаций субстантивных ФЕ метафорического характера двух языков. Предпринята попытка установления качественной и количественной зависимости между типами окказиональных трансформаций и социологическими характеристиками.

Материалы исследования. Фразеологическим корпусом послужили 759 ФЕ английского языка и 402 русского языка, отобранных путём сплошной выборки из одноязычных и двуязычных толковых, синонимических, этимологических и фразеологических словарей. Для иллюстративных примеров обработке подвергались произведения английских, американских писателей и периодические издания (газеты, журналы). Авторская картотека употребления субстантивных ФЕ метафорического характера насчитывает 950 ФЕ (дата издания текстов 1995-2004 гг.)

Методы исследования. Исследование субстантивных ФЕ метафорического характера требует интегративного, комплексного подхода. Основными методами, используемыми в работе, являются: метод фразеологической идентификации, разработанный А.В. Куниным, метод сопоставительно-типологического анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод этимологического анализа, метод контекстуального анализа. В ходе исследования применялась также методика опроса информантов, методика элементарной статистики и графического изображения полученных результатов.

Теоретическая значимость исследования заключается в научном обосновании метафорического переноса на фразеологическом уровне на примере двух языков. Детальное изучение типов контекстуальных преобразований, общих и специфических для двух языков, даёт возможность создания типологии окказиональных преобразований. Постановка проблемы и достигнутые результаты способствуют дальнейшему развитию сопоставительной фразеологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при составлении одно- и двуязычных фразеологических словарей, учебно-методической литературы по общей и сопоставительной фразеологии, в курсах и спецкурсах по лингвокультурологии, страноведению и фразеологии. Выводы могут найти применение в практике преподавания английского и русского языков как иностранных.

Апробация работы. Основные положения и результаты данного исследования нашли своё отражение в 5 публикациях, в докладе на международной конференции «Международная научная конференция» (Казань, 2001), в докладах на ежегодных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава кафедры романо-германской филологии филиала КГУ в городе Набережные Челны (2000-2003 гг.).

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений, используемых в работе, библиографии и приложения. Каждая глава заканчивается выводами.

Во введении обосновывается актуальность проблемы, указываются цели и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Метафорический перенос в субстантивных фразеологических единицах английского и русского языков» посвящена способам метафорического переноса в изучаемых ФЕ. В главе представлен анализ основных направлений исследования метафорического переноса в трудах отечественных, европейских и американских лингвистов. Исследование способов метафорического переноса в

субстантивных ФЕ проводится на основе логического и семантического подходов к метафоре.

Несмотря на различия, языковая и речевая метафоры представляют собой две специфические манифестации единого универсального когнитивного процесса .

Метафора, будучи представленной в языке системно, в организованном множестве регулярных метафорических переносов, позволяет придти к заключению, что универсальный метафорический перенос есть сложная, многоуровневая структура, которая выражается в переносе либо наименования, либо значения, либо базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности.

Комплексное рассмотрение метафоры в нашем исследовании указывает на важность семантического и логического подходов. В рамках семантического подхода метафора рассматривается как семантический процесс порождения новых значений в пределах словосочетания и предложения. Логический подход определяет метафору как фиктивную сущность, логическую аномалию. На основе данных подходов к метафоре проводится анализ способов метафорического переноса в субстантивных ФЕ .

Синтезом классификации метафорического переноса, предложенной М.Н. Никифоровой, элементов классификаций Э. Мак-Кормака и Скинери и анализа изучаемого практического материала является следующая классификация субстантивных фразеологических единиц метафорического характера:

1. Фразеологические единицы с чётко обозначенным метафорическим переносом, лежащим в основе их значения.

а) Фразеологические единицы с чётко обозначенным метафорическим переносом, образность которых основывается на каких-либо реальных ситуациях. Здесь мы выделяем ФЕ, образность которых основывается на мире природных явлений, мире животных, мире материальных вещей, мире человека.

б) Фразеологические единицы с чётко обозначенным метафорическим переносом, образность которых основывается на каких-либо нереальных ситуациях.

Мы выделяем в данной подгруппе ФЕ с полностью переосмысленным значением компонентов и ФЕ с частично переосмысленным значением компонентов.

в) Фразеологические единицы с чётко обозначенным метафорическим переносом, современное значение которых основано на ложной (народной) этимологии. В данной подгруппе мы выделяем: 1). ФЕ, возникшие на основе буквальных оборотов, обозначающих несуществующую более жизненную практику 2). ФЕ, возникшие на основе буквальных оборотов, оторвавшихся от породивших их ситуаций.

II. Фразеологические единицы с затемнённым метафорическим переносом, лежащим в основе их значения.

Анализ изучаемых ФЕ свидетельствует о значительном сходстве характера метафорического переноса, на котором основывается их значение как в английском, так и в русском языках.

Наиболее многочисленную группу в обоих языках составляют ФЕ с чётко обозначенным переносом, лежащим в основе их значения (95,5% в английском и 98,7% в русском). Данная группа характеризуется ясностью образного переноса, лежащего в основе абстрагированного значения ФЕ и базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности.

В этой группе выделяется подгруппа ФЕ с чётко обозначенным метафорическим переносом, образность которых основывается на каких-либо реальных ситуациях (48, 4% в английском и 47,8%). Метафорический перенос, лежащий в основе значения данных ФЕ, связывается нашим сознанием с реальной жизненной ситуацией, которая послужила источником образования данной ФЕ. Их образность ощутима и прозрачна. Составляющие их компоненты эксплицитно связывают метафорическое значение с исходным. Такого рода переносы опираются, обычно, на сходство предметов по какому-либо очевидному, внешнему признаку. ФЕ, входящие в данную подгруппу, всегда наглядны. Приведём примеры ФЕ, образность которых основывается на мире природных явлений: “tip of the iceberg” – «небольшая, видимая часть чего-либо, то , что лежит на поверхности» (буквально:

вершина айсберга). В данной ФЕ небольшая, видимая часть чего-либо сравнивается с вершущкой айсберга, реально существующего в природе. Услышав такой пример, слушатель представляет образ той небольшой, видимой части снежного образования, скрытого под водой. Значение ФЕ в данном случае мгновенно им воспринимается.

Новые сферы деятельности сравниваются с невспаханными полями и пастбищами, покрытыми свежей травой, в ФЕ “fresh fields and pastures new”. Бескрайние, реально существующие просторы предстают перед нашим мысленным взором и мы с лёгкостью воспринимаем ФЕ в речи. ФЕ «девятый вал», обозначающая «1. наиболее бурное, сильное проявление чего-либо грозного; 2. вершина каких-либо достижений творческой мысли или деятельности человека», возникла в результате метафоризации свободного словосочетания со значением самой сильной, опасной волны во время бури. Признак неприспособленности лёг в основу ФЕ «тепличное растение». Этот фразеологизм появился в советскую эпоху. Метафорический стержень основывается на сравнении человека с растением, выращенным в теплице.

Как нам кажется, количественный перевес связан со способностью ассоциативного мышления человека легко переосмысливать ситуации, реально существующие в действительности, и на их основе создавать ФЕ.

Сочетаемость компонентов исследуемых ФЕ, образность которых основана на нереальных ситуациях, нарушает наши знания о мире (в английском языке они представлены -19,6%; в русском - 21,9%). Метафорический перенос задаёт аналогии и ассоциации между разными системами понятий. Для правильного восприятия метафоры в данном случае необходимо определить ложность высказывания. Данная подгруппа неоднородна. В ней мы выделяем ФЕ с полностью переосмысленным значением и ФЕ с частично переосмысленным значением.

ФЕ с частично переосмысленным значением представлены в количестве 97 единиц в английском языке и 42 в русском. В данном случае один компонент употребляется в переносном значении, его функция всегда усилительная. Другой компонент употребляется в буквальном значении. В ФЕ “pudding face” («толстая,

бесформенная физиономия») лицо человека сравнивается с пудингом. Фразеологизм не имеет соответственного ему свободного словосочетания в языке, вследствие невозможности реального существования ситуации, которая легла в основу его образования. Компонент “pudding” переосмысливается: признак чего-то большого, тестообразного, лишённого формы переносится на внешность человека.

Признак духовности, чистоты, праведности лёг в основу ФЕ «ангел земной», признак повседневности - в ФЕ «базар житейской суеты», признак актуальности в ФЕ «животрепещущий вопрос». В ФЕ «белое золото» метафора опирается на положительную оценочность белого цвета в русском языке. Она получила развитие в новых сочетаниях: «белая жатва» (уборка хлопка), «белая страда». В ФЕ «канцелярская (чернильная) крыса» переосмыслен последний компонент. Метафора в данном случае возникает на основе уподобления чиновника крысе по признаку сходства звуков от скрипа старинных гусиных перьев и скребущейся крысе.

Переосмысленный компонент может носить гиперболический характер, состоящий в заведомом преувеличении признака в целях его более выразительного выделения, как например, “*eighteen-carat lie*” – «наглая, вопиющая ложь».

Примеры показывают высокую частотность ФЕ в обоих языках, где первый компонент употреблён в переносном значении, и низкую частотность ФЕ с переосмысленным вторым компонентом (“*social butterfly*” - «пустая светская девица; ”*culture vulture*” – «ценитель искусства», «*талиа в рюмочку*», «*стальной конь*»).

ФЕ с полностью переосмысленным значением компонентов иногда носят характер олицетворения: “*Queen of Adriatic*” («жемчужина Адриатики», Венеция). В данном случае, город Венеция наделяется одушевлёнными признаками, свойственными королеве. В основе метафорического стержня ФЕ лежит признак «величественности и непревзойдённости».

Фразеологизмам с полностью переосмысленными значениями также свойственен гиперболический характер, как например, ФЕ “*bull in a china store*” – «слон в посудной лавке, неуклюжий, неловкий человек, медведь»; «*буря в стакане*

воды» - большой шум, спор, сильное волнение по незначительному поводу, по пустякам, нестоящим внимания.

ФЕ, значение которых основано на ложной этимологии, возникают на основе историко-культурных представлений членов языкового коллектива. Истинное содержание метафорического переноса, который имел место при их создании, забыто и может быть установлено только путём этимологического анализа. В английском языке они составляют 27,5 %, в русском - 29%.

Фразеологические единицы с чётко обозначенным метафорическим переносом, современное значение которых основано на ложной (народной) этимологии, демонстрируют явную тенденцию к возникновению на основе буквальных оборотов, оторвавшихся от породивших их ситуаций. (86% от общего количества данной подгруппы – как в английском, так и в русском языках). Так например, ФЕ “dead marines (men, soldiers)” обозначает «пустые (винные) бутылки». Когда Вильям IV на официальном приёме за обедом приказал слуге, указав на пустые бутылки: «Уберите эту морскую пехоту!», пожилой майор морского флота встал из-за стола и сказал: «Ваше превосходительство, позвольте узнать, почему названием войск, которым я имею честь принадлежать, Вы именуете пустые бутылки?» На что герцог, славившийся тактичностью и красноречивостью, ответил: «Я называю их морской пехотой, потому что они славные подданные, выполнившие свой долг и готовые выполнить его снова!», чем несомненно спас ситуацию (Fraser, Ed., Gibbons, J., Soldier and sailor words and phrases, 1925:73).

“Beecher’s Bibles” – «прозвище» магазинных винтовок Шарп, выпускавшихся в середине прошлого века. Эти винтовки закупал преподобный Бичер (брат писательницы Г.Бичер-Стоу), активный аболиционист, на деньги, собранные среди прихожан церкви в Бруклин- Хайтс в г.Нью-Йорк. Он запаковывал их в ящики с надписью «Библии» и посылал в «истекающий кровью» Канзас (Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь, 1996:82).

ФЕ «потёмкинские деревни», означающая «показное, мнимое благополучие», связана с именем князя Г.А. Потёмкина, государственного деятеля времён

Екатерины II. Императрица после присоединения Крыма к России совершила в 1787 г. поездку по Новороссии. По рассказам иностранцев, чтобы показать ей процветание доверенного ему императрицей края, Потёмкин приказал построить на пути её следования в Крыму бутафорские, показные селения с расписными избами. Князь гордо показывал императрице и иностранным посланникам её сопровождавшим, склады хлеба (в которых мешки были набиты песком), стада скота (которые ночью перегоняли по маршруту царицы), пышные парки (которые после объезда Екатерины сохли, ибо это были воткнутые в землю стволы деревьев), мощные крепости (которые разваливались ввремя первой же грозы)... И всё же обмануть общественное мнение не так-то легко, иностранцы, вернувшись на родину, с насмешкой рассказывали о гигантском маскараде, устроенном екатерининским вельможей (Бирих, А., Мокиенко, В., Степанова, Л. Словарь Русской фразеологии, 1999: 156).

Фразеологические единицы с затемнённым метафорическим переносом, лежащим в основе их значения, представлены очень небольшим количеством в обоих языках. Причина затемнения образного переноса лежит в недостаточно чётко выраженной метафорической связи между значением ФЕ и прямым значением её компонентов, что препятствует ясному восприятию метафорического значения ФЕ. Однако, такой затемнённый образ является своеобразным вызовом умственной деятельности читателя или слушателя, заставляющим его преодолевать барьер восприятия. Так английская ФЕ “cat in the pan” означает «изменник, предатель, перебежчик». Образ, содержащийся в значении этой ФЕ, представляется затемнённым, так как неизвестно, почему предатель сравнивается с котом в кастрюле. Русская ФЕ «бред сивой кобылы» означает глупые, вздорные мысли, высказывания. Сивая (серая с лёгкой примесью другого цвета) лошадь считалась в народе глупой, и увидеть её во сне значило столкнуться с ложью. Слово бред в составе фразеологизма могло иметь значение «хождение вперёд и назад». Поскольку нет оснований считать, что сивые лошади отличаются от других – гнедых или вороных, то окончательного объяснения мотивировки фразеологизма предложить

невозможно (Бирих, А., Мокиенко, В., Степанова, Л. Словарь Русской фразеологии, 1999:59).

Вторая глава «Структурно-грамматическая классификация субстантивных фразеологических единиц метафорического характера в русском и английском языках» посвящена сопоставительному анализу структурно-грамматических особенностей изучаемых ФЕ. В структурно-грамматическом аспекте сопоставительный анализ исследуемых ФЕ направлен на выявление структурно-грамматических сходств и структурно-грамматических расхождений ФЕ и выделение ведущих структурных моделей для исследуемых ФЕ двух языков.

Субстантивные ФЕ метафорического характера представляют собой словосочетания, построенные в соответствии с живыми нормами современного английского и русского языков. Случаев сохранения устаревших грамматических форм в структуре изучаемых ФЕ не обнаружено.

Имя существительное, выступающее в качестве стержневого компонента субстантивных ФЕ метафорического характера, определяет их основные конструктивные свойства. Исследуемые ФЕ объединены общим значением лица и предмета. В сочетании со словами они могут употребляться в синтаксической функции подлежащего, дополнения и именной части составного сказуемого. Они характеризуются грамматическими категориями рода, числа и падежа. Отношения и связи со словами в речи такие ФЕ выражают через парадигматические формы.

Внутри исследуемых ФЕ английского и русского языков мы выделяем следующие подклассы, характерные для обоих языков: noun+ prep+noun, noun+noun, adj+ noun, noun+and+ noun, part I + noun, part II + noun.

ФЕ основанные на сочетании noun + определительный оборот (инфинитивный или причастный) или определительное придаточное предложение были обнаружены лишь в английском языке (“*sheep that have no shepherd*”, “*sprat to catch a mackerel (whale)*”) -3, 03 %.

Самым многочисленным подклассом субстантивных ФЕ метафорического характера в русском языке является сочетание *adj + noun* (68, 6%) (*волчий аппетит, абсолютный нуль, тяжёлая артиллерия, учёный багаж, тыловая крыса*). В английском же языке оно составляет 26,1%. (*comic opera, close (narrow) shave, small beer*). Для данного подкласса характерна константно-вариантная зависимость компонентов: *whole cheese (show), fresh (new, young) blood, bad egg (hat, lot, penny)*, причём для русского языка она характерна в меньшей степени (*китайская (тарабарская) грамота*). Для ряда исследуемых ФЕ русского языка характерно положение зависимого компонента после стержневого: *сосуд скудельный, сопля зелёная, ботало коровье, башка стоеросовая, пень берёзовый*.

В данную группу мы также включили фразеологические единицы, у которых первый компонент представляет собой адъективизированное имя собственное без или с присоединением к ним соответствующего суффикса: *Cassandra warnings, Gretna Green marriage, Procrustean bed, Augean Stables, Gordian knot, Siamese twins, дантов ад, авгиевы конюшни, аннибалова клятва, аредовы веки, ариаднина нить, мамоево побоище*. Притяжательные имена прилагательные в составе ФЕ полностью утрачивают значение принадлежности и служат средством качественной характеристики.

Самым многочисленным подклассом субстантивных ФЕ метафорического характера в английском языке является сочетание *noun + prep + noun* (35, 5%) (*touch of the tar-bush, snake in the grass, pigs in clover, milk for babes*) в русском же языке оно составляет 12,4% (*калиф на час, собака на сене*). Для английского языка характерна взаимозаменяемость как стержневого, так и зависимого компонентов (*pig (piggy, pickle) in the middle, ass between two bundles (bottles), icing (cherry) on the cake, skeleton in the closet (cupboard), handwriting (writing) on the wall*) для русского языка - только зависимого компонента (*пятое колесо в телеге (возу, колеснице), ад в душе (груди), рыльце в пуху (пушку)*). Для обоих языков характерно расширение первого компонента за счёт прилагательного (*осиновая чурка с глазами, темна вода в облацех, dirty work at the cross-road*), расширение второго компонента за счёт

прилагательного (*сказка про белого бычка, волк в овечьей шкуре, bull in the china shop (cabinet)*), расширение первого и второго компонентов за счёт прилагательного (*старая погудка на новый лад, new wine in old bottles*).

Исследование показывает большое разнообразие предлогов, используемых для связи имени существительного с именем существительным в английском языке (18 предлогов) и меньшее количество предлогов в русском языке (8 предлогов). Наиболее многочисленным и продуктивным структурным подклассом в английском языке оказывается сочетание имён существительных посредством предлогов «of» (55, 5%) и «in» (18,5%).

У изучаемых ФЕ, компоненты которых объединены подчинительной связью, выделяется одно, а у ФЕ, компоненты которых объединяются сочинительной связью, - два (и более) стержневых слова, являющихся грамматическим стержнем.

Синтаксические отношения между компонентами ФЕ исследуемого типа являются определительными. В зависимости от лексических значений компонентов такие отношения могут приобретать различные оттенки (субъектный, объектный, обстоятельственный и т.п.).

Структурно-грамматический анализ русских и английских субстантивных ФЕ метафорического характера свидетельствует о значительном сходстве структурной организации исследованных ФЕ. Различия между ФЕ двух языков обусловлены различным строем сопоставляемых языков – аналитическим строем английского и синтетическим - русского языка.

Третья глава «Функциональный аспект изучения субстантивных ФЕ метафорического характера в английском и русском языках» посвящена проблемам функционирования контекстуально -непреобразованных и контекстуально-преобразованных субстантивных ФЕ метафорического характера английского и русского языков в речи.

Узуальное использование субстантивных ФЕ метафорического характера выражено в формальных, лексических и факультативных вариантах.

В лексических вариантах общеязыкового характера, компоненты фразеологических единиц заменяются синонимами (*beaten path (track)*, *quantum jump (leap)*, *козёл отпущения (искупления)*, *кавалерийские налёты (наскоки)*), словами одного поля (*both sides of the coin (the medal)*, *ходячий (живой) справочник*) или разных семантических полей (*white caps (horses)*, *цыганское (казачье) солнышко*). С нашей точки зрения лексические варианты ФЕ едины по происхождению и характеризуются тождественностью общего значения и образа.

Как факультативные (*fly on the (coach)-wheel*, *артист (из) погорелого театра*, *red herring (across the trail)*; *темна вода в облацах (небесных)*) так и формальные варианты (*круглый ноль (ноль)*, *(крысиный хвост (хвостик))*, *riddle of the Sphinx (Sphinx's riddle)*, *dog in a blanket (dog-in-a-blanket)*) не влияют на понимание ФЕ и не лишают её красочности.

Наряду с узуальным использованием ФЕ широкое применение находят окказиональные преобразования ФЕ. Причём в английских субстантивных ФЕ метафорического характера тенденция к окказиональному преобразованию выражена значительно сильнее, чем в русских ФЕ (см. таб.1).

Таб.1

Узуальное использование ФЕ		Окказиональные преобразования ФЕ	
Англ.	Русс.	Англ.	Русс.
224	239	202	85

Обнаружить необычное в обычном, давно знакомом, раскрасить его новыми красками, сделать неповторимым помогает *вклинивание* - приём окказионального преобразования, ведущий к лексическому распространению компонентов. В русском языке было выявлено вклинивание-определение + добавление, что помогло автору более чётко выразить свои мысли: «... Но выборы состоятся, парламент будет избран. Естественно, будет новое пополнение, придет новое поколение «слуг народа»... Но и старые «парламентские волки», обстрелянные, многоопытные и матерые, пойдут (уже пошли) в яростный поход» ("Казахская Правда", №7, 2004).

Вклинивание в английском языке может сопровождаться двойным расширением компонентного состава ФЕ дополнениями, что обусловлено желанием автора «вдохнуть новую жизнь» в исходную ФЕ. Например: "Enemies of Promise" shows how the storms of continental politics rattled the tea cups of English literary life" (Vinen, R. History in Fragments: Europe in the Twentieth Century).

Экономии языковых средств способствует окказиональное преобразование, основанное на *трансформации фразеологизма в препозитивное адъективное определение*, характерное только для английского языка. Так в следующем примере писателю не нужно использовать много слов при описании непорядочных друзей и любимых. Одним «взмахом кисти» известная ФЕ объяла, казалось бы, необъятное: "However the adult children's other adult relationships may be dysfunctional. They may choose "black sheep" friends and lovers. They may be unable to commit to a member of the opposite sex or to a career" (Cloud H. Boundaries) (трансформации ФЕ + добавление).

Расширению фразеологических связей и созданию, по существу, новых ФЕ в обоих языках способствует приём *субституции*. В английском языке выявлен пример *антонимичной субституции*, когда автор, заменяя компонент "little" общеязыковым разнокорневым антонимом "big", заостряет внимание читателя на своей значимости, на своём положении: "Can you believe it? I thought it was my destiny. A big fish in a big pond- that's what I wanted. That's what I wanted from day one. For a long time I worked for other people. Then I started my own business..." (Wallace, D. Big Fish: A Novel of Mythic Proportions). В русском языке выявлен пример *паронимической субституции*: «Зато турнир стал отличной возможностью проверить необстрелянных бойцов сборной, костяк которой составляют москвичи, в преддверии январского Кубка мира» («Московский спорт», 2003, № 12). Максимально фонетически приближая новый компонент «боец» к заменённому «птенец», автор, описывая создавшуюся ситуацию, вызывает у читателя ассоциативный подтекст спортивного соперничества.

Фразеологическая инверсия, обнаруженная лишь в примерах русского языка, основана на эмфатическом перемещении синтаксически взаимосвязанных компонентов ФЕ. Инверсия в сфере фразеологии является выделительным явлением, своего рода выдвижением, фокусирующим внимание читателя на определённых моментах сообщения. Она является в какой-то мере испытанием на прочность и придаёт созданному образу большую выразительность. Например: «Потом я не стала химиком, министром, артисткой, инженером, изобретателем лунохода... Успела пережить несчастную любовь. И всякий раз, страдая от «ударов судьбы», казнила себя казню египетской» («Новая газета», № 5, 2002).

Субстантивные ФЕ метафорического характера русского языка подвержены *фразеологической зевгме*, образованной путём столкновения и пересечения свободного и фразеологического значения двух словосочетаний, объединённых в одну синтаксическую конструкцию не на соединительной, а противительной основе, что резко подчёркивает существующие между ними семантические различия: «Что тебе подарить, дорогая: небо в алмазах или сушилку для ногтей?» ("Комсомольская правда", №12, 2004). Казалось бы, предложение состоит из двух фраз: первая является заурядным языковым штампом, вторая - простым сообщением о факте. Но его стилистический эффект очень глубок.

Эффект фразеологической зевгмы в русском языке может усиливаться приёмом параномазии: « - Ну, здорово, инженер человеческих душ и женских туш! Или — как там говаривали твои литературные предшественники: «Здравствуй, брат, писать очень трудно!» (Золотцев, С. Непобеждённый).

В обоих языках наблюдаются примеры *развёрнутой фразеологической метафоры* - приёма, основанного на оживлении и развёртывании образа в направлении, заданном ФЕ, выполняющего коммуникативно-прагматические и семантические функции. Так в следующем примере: «Все веселились, как перед концом света. И эта печальная картина: куда ни кинь взгляд, везде вода, и из нее осуждающим перстом поднимается макушка затопленной церкви. Ноев ковчег, набитый банкирами, в океане рыночных отношений» ("Русский базар", № 24, 2004),

мы наблюдаем комплекс концептов, связывающих ряды понятий в метафорические парадигмы. Писатель как бы нанизывает один образа на другой; созданная им аналогия затопленной церкви с Ноевым ковчегом, единственным средством спасения нынешних банкиров, предполагает следующую, естественно вытекающую из неё аналогию религиозного учреждения, существующего в современных рыночных условиях, где за деньги искупаются многие грехи. Грустная ирония сквозит в каждом слове, способствуя установлению контакта между автором и читателем, превращению чтения в сотворчество.

Для создания красочных, запоминающихся образов как в русском так и в английском языках используется *фразеологический комплекс или фразеологическое насыщение*. Если в русском языке мы обнаружили одновременное контекстуальное использование двух ФЕ: «За 120 лет со времени определения этого жизненного ориентира небо в алмазах россияне так и не увидели, возможно, потому что сами они его себе не обеспечили, а за просто так после манны небесной в библейские времена ничего больше с неба не падало» ("Новое время", №32, 2002), то в английском трёх (We wanted to brief you, since you are the cat we are about to let out of the bag." "I rather think he's the cat among the pigeons, " Dorotea said with a sarcastic snort. "Pigeons? War hawks. Dorotea corrected (McCaffrey, A. Pegasus in Flight).

Примеры фразеологического комплекса в русском языке свидетельствуют о законе синонимического притяжения на фразеологическом уровне: одна ФЕ тянет за собой другую ФЕ коннотативно близкую или тождественную: «С правовой и политической точек зрения, Кипр - это немыслимо запутанный клубок с виду неразрешимых проблем, этакий гордиев узел, который в течение многих десятилетий без особого успеха пытаются разрубить видные мировые политики» ("ЭХО планеты", № 37, 2003).

При использовании фразеологического комплекса мы также отмечаем контекстуальные антонимические пары. Так, в следующем примере ФЕ «разбойники пера» и «белые вороны», противопоставляясь в контексте, реализуют антонимию на образно-оценочном уровне: «В стране, где мы, журналисты, уже не обижаемся на

сравнения со “второй древнейшей”, где пресса давно стала рептильной, где балом правят “разбойники пера”, такие люди как Сергей – белые вороны» (“Солдат”, № 1 (85), 2003).

Обратить внимание на словесную ткань произведения, вдуматься в смысл обыкновенных слов, постичь образность ФЕ заставляет нас приём, основанный на актуализации свободного значения отдельных компонентов ФЕ (*фразеологический каламбур*). В русском и в английском языках мы отмечаем постпозиционное положение компонента, употреблённого в свободном значении: «...К тому же камень за пазухой несколько тяготит. И затрудняет движение. - Это не камень, Стив. Это живот. Вы разъелись на русских харчах" (Юденич, М. Welcome to Трансильвания); “ I have got a bit of a frog in my throat," said Suzy, still in the same deep voice. "A frog? Where'd you get that?" asked Ann enviously” (Nix, G. Mister Monday).

В данной работе в рамках программы Junior Faculty Development Program (2004) с целью изучения окказиональных преобразований и получения исходных данных для анализа практического материала проводился социолингвистический эксперимент, основанный на приёме лингвистического интервьюирования. Нас интересовало, как носителями английского языка осуществляются окказиональные преобразования ФЕ и существует ли прямая зависимость между частотой употребления изучаемых ФЕ в речи и использования тех или иных видов преобразований от половой принадлежности. Очень важно, на наш взгляд, при описании фразеологической уровня языка указать на наличие/отсутствие в нём социально маркированных признаков. В нашем эксперименте в качестве информантов выступили 14 представителей профессорско-преподавательского состава Мичиганского государственного университета (США) (7 мужчин и 7 женщин). Возраст ранжировался в пределах 35-45 лет. Данные, полученные во время эксперимента, показали, что контекстуальная трансформация ФЕ, выполненная мужчинами, более богата в содержательном плане. Её отличает так называемый авангардизм. И развёрнутая фразеологическая метафора и приём, основанный на реализации семантической двуплановости, часто употреблявшиеся

мужчинами, требуют от носителя языка особых творческих усилий. Технику исполнения преобразований, выполненных женщинами, отличает консерватизм.

Можно предположить, что женщина, занимая второстепенную социальную роль в обществе, очень аккуратна в выборе языковых средств; правильная речь является тем звеном, посредством которого, женщина компенсирует отсутствие власти. В её стремлении к использованию грамматически и стилистически «правильных» оборотов, она придерживается принятой языковой нормы, взвешивает каждый вариант. Такое желание соответствовать стандарту препятствует созданию ярких, оригинальных контекстуальных преобразований.

В Заключении представлены обобщения и выводы, полученные в результате исследования.

Сопоставительное изучение английских и русских ФЕ метафорического характера подтвердило, что в разноструктурных языках характер метафорического переноса, лежащий в основе значения ФЕ, во многом сходен. Наличие определённых специфических характеристик может быть обусловлено экстралингвистическими факторами.

Структурно-грамматический анализ русских и английских субстантивных ФЕ метафорического характера свидетельствует о значительном сходстве структурной организации исследованных ФЕ. Различия между ФЕ двух языков обусловлены различным строем сопоставляемых языков – аналитическим строем английского и синтетическим - русского языка.

Английские и русские субстантивные ФЕ метафорического характера подвергаются окказиональным преобразованиям. В английских субстантивных ФЕ метафорического характера тенденция к окказиональному преобразованию выражена значительно сильнее, чем в русских ФЕ, что вызвано, вероятнее всего, аналитизмом английского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Стилистическая метафоры / Р.М. Галяутдинова // Учёные записки КГУ (набережночелнинский филиал). – Набережные Челны: Камский издательский дом, 2000. - выпуск 2(часть 2).- С. 27-30.
2. Грамматическая характеристика фразеологических единиц метафорического характера в русском и английском языках / Р.М. Галяутдинова //Учёные записки КГУ (набережночелнинский филиал). – Набережные Челны: Камский издательский дом, 2001. - выпуск 3.- С.151-153.
3. Семантическая основа метафорического переноса / Р.М. Галяутдинова // Материалы итоговой научной конференции за 2001 год фКГУ в г. Набережные Челны - Набережные Челны: Камский издательский дом, 2002. – С.80-82.
4. Функционирование контекстуально-преобразованных фразеологических единиц метафорического характера в русском и английском языках / Р.М. Галяутдинова // Материалы итоговой научной конференции за 2002 год фКГУ в г. Набережные Челны - Набережные Челны: Камский издательский дом, 2003. – С. 72-74.
5. Семантический анализ субстантивных ФЕ метафорического характера в английском языке / Р.М. Галяутдинова // Учёные записки КГУ (набережночелнинский филиал). – Набережные Челны: «Бизнес- Медиа», 2004. – С.117-119.